

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛОВАЧЕВА

кандидат филологических наук, начальник Отдела развития онлайн-образования

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

(Томск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2744-8767; eagolovacheva@tpu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ (уровень хронотопа)

А н н о т а ц и я . Целью исследования является рассмотрение особенностей воспроизведения смысло- и сюжетобразующего концептуального поля «преступление / наказание» романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне хронотопа на немецкий язык. Материалом выступают наиболее репрезентативные фрагменты переводов романа, выполненные В. Генкелем (1882), М. Феофановым (1908, 1922), А. С. Элиасбергом (1921), Э. Кэррик (псевд. Е. К. Разин) (1953) и С. Гайер (1994). Последовательно изучаются нюансы воспроизведения авторских признаков «масштабность пространства кризиса», «бегство», «предопределенность конца». Установлено, что наибольшие потери, обусловленные недостаточным вниманием переводчиков к особенностям стиля Достоевского, обнаруживаются в ранних интерпретациях, что сказывается на степени передачи аксиологических доминант произведения и образов ряда персонажей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : хронотоп, Ф. М. Достоевский, роман, «Преступление и наказание», Германия, художественный перевод, художественная картина мира, концепт, немецкий язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Головачева Е. А. Концептуальное поле романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецких переводах (уровень хронотопа) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1200

ВВЕДЕНИЕ

Свидетельством актуальности изучения вопросов переводческой рецепции произведений Ф. М. Достоевского в Германии является значительное количество отечественных и зарубежных исследований¹. В последнее время отмечается интерес к проблемам воспроизведения романа «Преступление и наказание» на немецкий язык², к особенностям целостной передачи его идейно-художественного содержания и формы³, а также комплексному изучению концептосферы творчества писателя и осмыслению его наследия в немецкой культуре⁴.

Материалом исследования послужили пять⁵ разновременных и наиболее часто переиздаваемых переводов «Преступления и наказания»⁶, обозначивших знаковые этапы немецкой рецепции творчества Достоевского [4], [5], выполненных В. Генкелем (1882)⁷ – первым переводчиком, интерпретация которого на долгие годы определила характер восприятия русского писателя не только в Германии, но и в Европе в целом [4: 122–125]; Э. Кэррик, М. Феофановым (псевд.

Е. К. Разин)⁸ (1908, 1922)⁹, (1953)¹⁰ – чьи переводы входят в первое и последующие собрания сочинений Достоевского в Германии издательства «Пипер» (переиздавались отдельными изданиями и в составе сборников не менее десяти раз) [4: 128–132]; А. С. Элиасбергом (1921)¹¹ – известным автором многочисленных переводов шедевров русской литературы на немецкий язык, в том числе и многократно переиздававшегося в его интерпретации «Преступления и наказания» (пять раз) [5: 158–159]; С. Гайер (1994)¹² – автором последнего перевода романа, получившего особое признание у немецких читателей и в филологических кругах (не менее семи переизданий) [5: 162–165]. Во всех интерпретациях использованы уникальные подходы и стратегии¹³, обусловленные определенными культурными традициями и личностями переводчиков¹⁴. Выбор вышеупомянутых востребованных в немецкой культуре переводов, таким образом, представляется обоснованным и позволяет выявить нюансы рецепции романа в разные периоды, проследить черты переводческой приемственности

и тенденции к воспроизведению художественной аксиологии и поэтики подлинника.

В настоящей статье рассмотрены особенности передачи на немецкий язык наиболее репрезентативных эпизодов романа, в которых объективируются авторские признаки концептуального поля (КП)¹⁵, представленные на пространственно-временном уровне текста: «масштабность распространения кризиса», «бегство», «предопределенность конца» [3]. В оригинальном тексте они указывают на важные для понимания идеи произведения аксиологические особенности, позволяют уточнить мировоззренческую позицию Достоевского, а также на всем протяжении романа акцентируют мысль писателя о глубине кризиса, переживаемого русским обществом, и о повсеместной утрате православных ценностей (сборности, милосердия, сострадания и т. д.) [3: 251–252].

Методология сопоставительного анализа переводов базируется на концептологическом анализе, который позволяет выявить факты соответствия перевода оригиналу на всех уровнях поэтики, объяснить причины переводческих потерь и трансформаций, а также глубже осмыслить нюансы восприятия романа¹⁶.

Критериями оценки эквивалентности переводов и адекватности передачи КП на пространственно-временном уровне выступают следующие: степень воспроизведения аксиологических оттенков репрезентантов концептов и приращений, которые присутствуют в индивидуальном сознании писателя и отражаются в художественном произведении; особенности стиля Достоевского; нюансы ритмики и синтаксиса оригинального текста с точки зрения норм немецкого языка¹⁷.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРИЗНАКА КП «МАСШТАБНОСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРИЗИСА»

При передаче признака КП «масштабность распространения кризиса»¹⁸, актуализированного во второй части романа, перед переводчиками встает задача показать, во-первых, категоричность взглядов сторонников «прогрессивных» идей (Лужина), во-вторых – трагедию уничтожения традиционных ценностей.

«Все эти наши новости, реформы, идеи – все это и до нас прикоснулось в провинции; но чтобы видеть яснее и видеть все, надобно быть в Петербурге» (VI: 115)¹⁹.

«...распространены новые, полезные мысли, распространены некоторые новые, полезные сочинения, вместо прежних мечтательных и романических; литература принимает более зрелый оттенок; искоренено и осмеяно много вредных предубеждений...; Одним словом, мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего, а это, по-моему, уж дело-с...» (VI: 115).

В первом фрагменте при рассмотрении интерпретации Генкеля обнаруживаются некоторые лакуны: отсутствие существительного *новости*, а также повтора глагола *видеть* (*видеть все*), которые в оригинальном тексте подчеркивают попытку Лужина произвести впечатление современного и осведомленного человека, замещающего тенденции продвижения новомодных идей за пределы столицы.

В позднем переводе Кэррик (1953) лексема *прикоснулось* (*все это и до нас прикоснулось*) заменена на *проникли* (*gedrungen*), что усилило ощущение распространения и углубления социальных и нравственных деформаций. В варианте Гайер за счет дополнения лично *присутствовать* (*persönlich anwesend sein*) (в Петербурге) акцентируется тщеславный замысел Лужина, который связан не только с запланированной женитьбой, но и со страстным желанием занять высокое положение в обществе.

Во всех интерпретациях, кроме последнего перевода, выполненного С. Гайер, отсутствуют повторы глагола *распространены*, маркирующего проникновение разного рода безнравственных идей в центр России и на периферию. Генкель и Элиасберг используют синонимы *verbreitet* (*распространились*) и *erscheinen* (*появились*), Кэррик (все переводы) лишь единожды употребляет глагол *verbreitet* (*распространились*). В варианте Элиасберга в отличие от оригинала дополнительно акцентируется трагедия уничтожения исконных православных традиций за счет добавления фразы *wirken nur nicht lächerlich* (*не кажутся смешными*) (предрассудки).

В интерпретации Генкеля упущено существительное *дело-с*. Данная лакуна не позволяет первому переводчику донести до немецкого читателя аксиологическую связь воззрений Лужина и представителей молодого поколения, не имеющих истинного дела и испытывающих проблемы самоопределения²⁰, с преступной идеей Раскольникова и утратой им нравственных ориентиров (*на какое дело хочу покуситься* (VI: 6)).

Выявленные потери (отсутствие перевода слов, повторов) при воспроизведении признака КП «масштабность распространения кризиса» в данном фрагменте не позволили Генкелю передать трагедию разрушения традиционного общества и раскрыть ряд черт Лужина (малодушие, поверхностность) и Раскольникова (отсутствие истинной занятости, погруженность в свои мысли и теории). Благодаря вниманию к слову Достоевского Гайер точно изобразила трагедию распространения идеологических заблуждений и ограниченность воззрений Лу-

жина, его готовность пренебречь моральными и нравственными нормами.

В продолжающемся диалоге с Зосимовым и Разумихиным Лужин также акцентирует внимание на многочисленных преступлениях (*преступления (2)*), грабежах (*повсеместных и беспрерывных грабежах*), разбоях (*почту разбил*), обманах (*фальшивые бумажки делают, подделывателей билетов*), убийствах (*убивают, убита*))²¹:

«Не говорю уже о том, что **преступления** в низшем классе, в последние лет пять, увеличились; не говорю о повсеместных и беспрерывных **грабежах** и пожарах; страннее всего то для меня, что **преступления** и в высших классах таким же образом увеличиваются и, так сказать, параллельно. Там, слышно, бывший студент на большой дороге **почту разбил**; там передовые, по общественному своему положению, люди **фальшивые бумажки делают**; там, в Москве, ловят целую компанию **подделывателей билетов** последнего займа с лотереей, — и в главных участниках один лектор всемирной истории; там **убивают** нашего секретаря за границей, по причине денежной и загадочной... И если теперь эта старуха процентщица **убита** одним из закладчиков, то и это, стало быть, был человек из общества более высшего, — ибо мужики не закладывают золотых вещей, — то чем же объяснить эту с одной стороны распушенность цивилизованной части нашего общества?» (VI: 117).

Несмотря на очевидную сложность воспроизведения всех лингвостилистических нюансов данного фрагмента (обилие повторов (*там*), специфических временных указаний (*последние лет пять, беспрерывных, теперь*)), практически во всех интерпретациях они воссозданы без потерь, что позволило донести до немецкого читателя атмосферу современных городов, в которых культ наживы затрагивает все социальные слои. Однако Элиасберг упускает лексему *повсеместных* и тем самым не акцентирует внимание на масштабе распространения преступлений.

В четвертой части романа переводчикам необходимо показать повсеместную бедность русских семей, которая подчеркнута Достоевским на уровне слова (местоименные наречия *здесь, там (2)*, выражения *по углам, в какой обстановке*)²².

«Неужели не видала ты **здесь** детей, **по углам**, которых матери милостыню высылают просить? Я узнавал, **где живут** эти матери и **в какой обстановке**. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор» (VI: 252).

В варианте Генкеля отсутствует перевод слова *развратен*, маркирующего очень чуткое понимание Раскольниковым трагедии разрушения семей, а также глубокую деградацию человеческих и семейных ценностей, безнрав-

ственность поступков детей, потерявших веру в справедливость и покровительство Бога. В других рассматриваемых интерпретациях потерь не обнаружено.

В шестой части романа признак «масштабность распространения кризиса» актуализируется в речи Свидригайлова, который отмечает нездоровую атмосферу Петербурга и указывает на преступления, охватившие пространство столицы²³:

«Народ пьянствует, молодежь образованная от бездействия перегорает **в несбыточных снах и грезах**, уродуется в теориях; **откуда-то** жида **наехали**, прячут деньги, а все остальное развратничает» (VI: 370).

В варианте Генкеля данный фрагмент не переведен, а весь рассказ Свидригайлова (включая сцену в танцевальном зале) про его сватовство дан в очень кратком изложении. Поэтому в самой ранней интерпретации теряется важная деталь образа Свидригайлова: осознанное понимание им масштаба разрушения традиционных ценностей, что служит отличительным маркером, позволяющим выделить его среди других персонажей романа (Лужина, Алены Ивановны и др.). Во всех переводах Кэррик неэквивалентная замена маркированного глагола *перегорает* на *погружается* (*geht vor*) не позволяет показать глубину нравственной деградации общества. Элиасберг упускает выражение *от бездействия* (перегорает), поэтому проблема кризиса веры и истинной занятости у представителей молодого поколения не акцентирована в его варианте. Гайер, напротив, удалось добиться наиболее точного воспроизведения данного фрагмента на немецкий язык.

Символический сон Раскольникова, в котором признак «масштабность распространения кризиса» вербализуется с помощью обилия номинативных репрезентантов КП, указывающих на преступления, болезни и страдания, воспроизведен во всех интерпретациях максимально близко к оригиналу с учетом нюансов стиля Достоевского. Лишь в переводах Кэррик обнаруживается замена глагола *резались* (*кололись и резались*) на *убивали* (*töteten / mordeten*), что отчасти усиливает проявленность концепта «преступление» и интенсифицирует степень происходящих вокруг злодеяний.

Таким образом, в связи с недостаточным вниманием к модуляциям романного слова и идиостиллю автора в интерпретации Генкеля признак «масштабность распространения кризиса» воспроизведен с существенными потерями. Это не позволило переводчику в полной мере донести до читателя трагедию утраты православных

первооснов и ее последствий, а также негативным образом отразилось на характере воссоздания образов Свидригайлова, Лужина, Раскольникова. В варианте Элиасберга при некоторых лакунах отмечено частичное усиление рассматриваемого признака, заостряющего внимание читателя на последствиях разрушительных тенденций, масштабно охватывающих все слои общества. Небольшие потери, обнаруженные в переводах Кэррик, привели к неполному воссозданию картины Петербурга, в котором господствует страсть наживы, распространяются болезни и нищета. Бережное отношение к слову Достоевского позволило Гайер наиболее цельно изобразить трагедию распространяющихся за пределы столицы безнравственных теорий и преступлений, а также воссоздать черты характера Лужина (индивидуализм, алчность и т. д.), подчеркнуть амбивалентность образа Свидригайлова, чуткость Раскольникова и его разочарованность в жизни.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРИЗНАКА КП «ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КОНЦА»

Следующий рассматриваемый признак КП «предопределенность конца» (темпоральная категория) актуализирует ощущение нарастающей катастрофы, предвещающей хаос²⁴.

Уже в первой части романа перед переводчиками стоит задача воспроизведения нюансов наивысшего эмоционального напряжения Раскольникова, когда в его сознании прошлое, настоящее и будущее соединяются воедино:

«Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внешние, а старые, наболевшие, давнишние. **Давно** уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. **Давным-давно** как зародилась в нем вся эта **теперешняя** тоска, нарастала, накаплилась и **в последнее время** созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, **неотразимо** требуя разрешения» (VI: 39).

«Ясно, что **теперь** надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а **непременно** что-нибудь сделать, **и сейчас же**, и **поскорее**. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь...» (VI: 39).

В версии Генкеля и позднем переводе Кэррик (1953) вместо лексемы *давнишние* в первом предложении использованы слова *alt / alte* (*старые*). Генкель, Кэррик (1908, 1922) и Элиасберг упускают второй повтор в выражении *давным-давно*. Таким образом, кроме варианта Гайер, во всех переводах не передана цепочка (*давнишние*, *давно*, *давным-давно*, *в последнее время*), маркирующая длительность переживаний Раскольникова и под-

черкивающая их связь с настоящими (*теперешняя*, *теперь*). Никому из переводчиков не удалось воспроизвести повтор в выражении *терзать и истерзали (ему сердце)*, использование синонимичных замен привело к нейтрализации признака «мучение» концепта «наказание» и не позволило в полной мере акцентировать внимание немецкого читателя на ложных убеждениях Раскольникова в предопределенности судьбы и необходимости реализации преступления.

Во второй части романа в переводах необходимо воспроизвести нюансы словесного оформления признака «предопределенность конца»²⁵, которые усиливают значимость проблемы выбора жизненных и ценностных ориентиров в судьбе Раскольникова²⁶:

«Он не знал, да и не думал о том, **куда идти**; он знал одно: “что всё **это надо кончить сегодня же**, за один раз, сейчас же; что **домой он иначе не воротится**, потому что *не хочет так жить*”. Как **кончить**? Чем **кончить**? Об этом он не имел и понятия, да и думать не хотел. Он отгонял мысль: мысль терзала его. Он только чувствовал и знал, что надо, чтобы всё переменялось, так или этак, “хоть как бы то ни было”, повторял он с отчаянною, неподвижною самоуверенностью и решимостью» (VI: 120–121).

Во всех интерпретациях риторические вопросы и повторы частицы *не*, подчеркивающие дезориентированность Раскольникова и потерю им жизненных целей после совершенного преступления, переданы достаточно точно. В версиях Кэррик (1908, 1922) и Элиасберга пропущен повтор глагола *кончить* (*кончить сегодня же*), поэтому близость трагической развязки истории Раскольникова и испытываемый им страх (наряду с желанием поскорее избавиться от прошлого) не переданы. В трех ранних интерпретациях (Генкель; Кэррик, Феофанов; Кэррик) лишь однократно воспроизведено повторяющееся существительное *мысль* (*мысль: мысль терзала его*), подчеркивающее проблему осознанного выбора жизненного пути и личной ответственности за свои деяния. В варианте Генкеля отсутствует перевод лексемы *самоуверенностью*, маркирующей своеволие Раскольникова и его гордыню, ставшие причинами душевных переживаний, сравнимых с хождением по мукам²⁷.

В шестой части романа перед явкой с повинной (встреча Родиона с родными и с Соней) переводчикам необходимо воспроизвести маркеры, указывающие на скорый финал истории Раскольникова (повторы, образы и др.²⁸):

«Ему хотелось **кончить** все **до заката солнца**» (VI: 398).

«Поздно, **пора**. Я **сейчас** иду предавать себя. Но я не знаю, для чего я иду предавать себя» (VI: 399).

«**Пора, очень пора**» (VI: 400).

«Он **вдруг** почувствовал **окончательно**, что нечего себе задавать вопросы» (VI: 404).

Во всех интерпретациях точно воспроизведен образ заходящего солнца, символизирующий особое психологическое состояние Раскольникова²⁹ и указывающий на его дальнейшее духовное перерождение. Однако в варианте Генкеля вместо выражения *для чего я иду предавать себя* использовано *почему я это делаю* (*weshalb ich es tue*). Такая неэквивалентная замена разрушает смысл фразы: отсутствие повтора маркированного глагола *предать* не позволяет подчеркнуть нравственный переворот и чувство обреченности Раскольникова, его потребность в «самоспасении»³⁰. В последней фразе в двух ранних интерпретациях (Генкель; Кэррик, Феофанов) упущено слово *вдруг*, а Гайер не переводит лексему *окончательно*. Данные лакуны не позволяют донести до читателя характер спонтанного и в то же время решительного намерения Раскольникова покаяться и признаться в своем преступлении.

Таким образом, в ранних переводах обнаруживаются наибольшие потери при воспроизведении признака КП «предопределенность конца». В интерпретациях Генкеля и Кэррик, Феофанова (1908, 1922) не в полной мере переданы нюансы образа Раскольникова – его эмоциональное напряжение до и после преступления, фаталистическое следование ложным убеждениям. Небольшие переводческие потери, характерные для всех переводов, несколько сглаживают интенсивность душевных переживаний и жизненную дезориентированность героя.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРИЗНАКА КП «БЕГСТВО»

Во фрагментах романа, в которых проявлен признак «бегство», переводчикам необходимо показать желание героев покинуть Петербург и тем самым изменить судьбу³¹. Впервые проявление данного признака отмечено уже в эпизоде первой части произведения, в котором Раскольников совершает преступление:

«Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с **полминуты**, то он бы **убежал от нее**» (VI:62).

«Ему **вдруг** опять захотелось **бросить всё и уйти**. Но **это было только мгновение**; **уходить было поздно**. Он даже усмехнулся на себя, как **вдруг** другая тревожная мысль ударила ему в голову» (VI: 62).

«Ему хотелось **поскорее убежать отсюда**» (VI: 65).

«**Боже мой! Надо бежать, бежать!**» – пробормотал он и **бросился** в переднюю» (VI: 66).

Многочисленные повторы глаголов *убежать* (2), *бежать* (2) акцентируют внимание на потребности героя уйти от наказания и покинуть близких, а также его страхе. В переводах Кэррик (1908, 1922), Элиасберга и Гайер они последовательно заменяются синонимами *fort von hier* / *fort (n)och отсюда / прочь*), что приводит к нейтрализации признаков «бегство» и «страх», указывающих на желание Раскольникова избежать расплаты за свой грех. В четырех ранних версиях упущено временное указание *вдруг*, поэтому во всех интерпретациях (за исключением версии Гайер) не столь очевидна лихорадочность мыслей героя и нарастающее в нем чувство тревоги. В варианте Элиасберга фраза *тревожная мысль ударила ему в голову* не переведена, что не позволило уточнить важные психологические детали образа Раскольникова в этот период: неосознанное, но внезапно проявленное на физическом и ментальном уровне неприятие идеи преступления, противоречащей его натуре.

Повторение мысли Раскольникова о бегстве обнаруживается во второй части романа после преступления³²:

«А, вспомнил: **бежать!** скорее **бежать**, непременно, непременно **бежать!** <...> Да... а куда? <...> Я возьму деньги и **уйду**, и другую квартиру найму, они не сыщут!.. <...> Лучше совсем **бежать... далеко... в Америку**, и наплевать на них!» (VI: 100).

Генкель упускает повтор глагола *бежать* и наречия *непременно*, поэтому в его варианте одержимость героя идеей бегства не передана. Выражение *наплевать на них* в его версии эмоционально сглажено за счет использования замены *пусть ищут меня там* (*mögen sie mich dort suchen*), что не позволяет переводчику донести до немецкого читателя нарастающую в Раскольникове отчужденность от общества и враждебность к людям. В варианте Гайер используемая фраза *всех их оставлю с носом* (*allen eine Nase drehen*) подчеркивает в большей степени его чувство гордыни и злости. Кэррик и Элиасберг точно следуют оригиналу и не допускают переводческих потерь.

В четвертой части романа перед переводчиками стоит задача подчеркнуть значимость психологических переживаний преступника через точное воспроизведение нюансов речи Порфирия³³:

«И какое мне в том беспокойство, что он несвязанный **ходит по городу!** Да пусть, пусть его **погуляет пока**, пусть; я ведь и без того знаю, что он моя жертвочка и никуда **не убежит** от меня! Да и куда ему **убежать**, хе-хе! **За границу**, что ли? **За границу** поляк **убежит**, а не он, тем паче, что я слежу, да и меры принял. **В глубину отечества убежит**, что ли? Да ведь там мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь

современно-то развитый человек **скорее острог** предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужички наши, жить, хе-хе! Но это всё вздор и наружное. Что такое: **убежит!** Это форменное; а главное-то не то; не по этому одному он **не убежит** от меня, что **некуда убежать**: он у меня *психологически не убежит*, хе-хе! Каково выраженьице-то! Он по закону природы у меня **не убежит**, хотя бы даже и было куда **убежать**» (VI: 261–262).

Ни в одной из четырех ранних интерпретаций не воспроизведены значимые повторы глаголов *убежит / не убежит*. Поэтому в большинстве немецких переводов (за исключением варианта Гайер) не изображена словесная игра следователя, понимающего психологию преступника и нравственные качества Раскольникова, но при этом использующего приемы, направленные на истязание «своей жертвочки»³⁴. Образ «глубины отечества», который отражает особенности исконных русских характеров (русских мужиков), для которых еще чужды новомодные теории и идеи, во всех интерпретациях воспроизведен без потерь.

В остальных фрагментах романа, в которых мотив бегства упоминается в диалогах Порфирия и Раскольникова, Свидригайлова и Раскольникова, повторы глаголов *убежит / бежать* во всех ранних интерпретациях также оказываются упущенными или замененными на синонимичные. Это влияет на степень воспроизведения особенностей образа Порфирия, а также Свидригайлова, призывающего бежать в Америку, но при этом строящего своеобразную «игру», предполагающую не движение к определенному топосу, а к самоубийству или к каторге.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно предположить, что в переводах романа «Преступление и наказание» на немецкий язык не должно быть явных потерь, связанных с объективацией признаков КП на уровне пространства и времени, поскольку отсутствуют явные отличия в осмыслении концептов «преступление» и «наказание» в русской и немецкой культурах³⁵. Тем не менее проведенный анализ эпизодов, в которых актуализируются признаки «масштабность распространения кризиса», «предопределенность конца» и «бегство», обнаружил неточности и лакуны при их воспроизведении, что обусловлено сложной смысловой архитектурой исследуемого произведения, а также особенностями идиостиля Достоевского.

В самом раннем переводе, выполненном Генкелем, признаки «предопределенность конца», «масштабность распространения кризиса» и «бегство» актуализированы с потерями, что не позволило

донести до немецкого читателя мысль писателя о глубине кризиса, переживаемого русским обществом, показать трагедию утраты православных ориентиров (веры, соборности, милосердия), изобразить несостоятельность идеи бегства от наказания, подчеркнуть черты индивидуализма и своеволия в образах Раскольникова, Лужина, Свидригайлова. Лакунарность данного перевода может быть объяснена культурными традициями раннего этапа рецепции Достоевского в Германии, когда на особенности идиостиля автора не были принято обращать столь пристального внимания, как в более поздние периоды.

В переводах Кэррик, особенно ранней интерпретации (1908, 1922), в связи с нейтрализацией рассматриваемых признаков КП сглаживается интенсивность душевных переживаний Раскольникова, а также не переданы фаталистическое следование ложным убеждениям, его потребность в самоспасении и страх. Небольшие потери, обнаруженные в ее интерпретациях, привели к неполному воссозданию картины Петербурга, в котором происходят трагедии и драмы. Очевидно, что Кэррик проводит определенную редакторскую работу над последним вариантом своего перевода, что положительно влияет на характер понимания немецкими читателями православного «кода» произведения и образов персонажей.

В интерпретации Элиасберга некоторые переводческие потери отчасти компенсируются частичным усилением признака «масштабность распространения кризиса», обусловленным, вероятно, тем, что переводчик, имевший опыт проживания в России и переписки со многими русскими писателями, хотел как можно более убедительно показать глубину переломных трансформаций того периода времени.

В варианте Гайер отмечается положительная динамика передачи нюансов идиостиля писателя и воспроизведения признаков КП на уровне хронотопа и, как следствие, проблематики и аксиологического содержания романа. Ей особенно точно удалось изобразить трагедию распространяющихся за пределы столицы безнравственных теорий и преступлений, а также воссоздать негативные черты характера Лужина, подчеркнуть амбивалентность образа Свидригайлова, а также чуткость Раскольникова и его разочарованность в жизни.

Выявленные тенденции обусловлены не только личностями переводчиков и выбранными ими переводческими стратегиями, но и общим развитием немецкой филологической школы, а также характерными чертами культурно-исторического периода Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Укажем отдельные работы, наиболее важные в контексте данного исследования: [2], [4], [5], [6], [7], [8], [9], Васильева Т. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в интерпретации немецких переводчиков: Дис. ... канд. филол. наук. В. Новгород, 2008. 216 с.; Кореневская О. В. Репрезентация русского мира в немецких переводах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 235 с.; Dorner E. Schuld und Sühne oder Verbrechen und Strafe? Dostojewskijs Romantitel in deutscher Übersetzung: Master's Thesis. Wien, 2016. 265 S.; Головачева Е. А. Рецепция романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецкой словесной культуре: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 329 с.
- ² См., например: [9], Васильева Т. В. Указ. соч.; Dorner E. Schuld und Sühne oder Verbrechen und Strafe? Dostojewskijs Romantitel in deutscher Übersetzung: Master's Thesis. Wien, 2016. 265 S.
- ³ Подробнее см.: [2]; Головачева Е. А. Указ. соч.
- ⁴ Там же.
- ⁵ В настоящее время известно двадцать три перевода исследуемого романа на немецкий язык. Подробнее об этих переводах см. [4], [5].
- ⁶ Подробнее о данных пяти переводах см. в исследовании Головачевой Е. А. Указ. соч. С. 16–86; [4], [5].
- ⁷ Dostojewski F. M. Raskolnikow: Roman. Übersetzt v. W. Henckel. Erster Band. Leipzig: Verlag v. W. Friedrich, 1882. 299 S.; Zweiter Band. Leipzig: Verlag v. W. Friedrich, 1882. 309 S.
- ⁸ Псевдоним, под которым печатались все переводы произведений Ф. М. Достоевского в Собрании сочинений издательства «Пипер». Подробнее об этом см.: Головачева Е. А. Указ. соч. С. 41–46.
- ⁹ Dostojewski F. M. Sämtliche Werke. Unter Mitarbeiterschaft von D. Mereschkowski, D. Philossovhoff und anderen herausgegeben von Moeller van den Bruck: in 22 Bd. München; Leipzig: R. Piper & Co. Verlag, 1906–1919; Dostojewski F. M. Sämtliche Werke in 22 Bd. Bd. 1–2. Rodion Raskolnikoff (Schuld und Sühne). Übertragen von E. K. Rahsin. Mit einer Einleitung von D. Mereschkowskis. München; Leipzig: R. Piper & Co. Verlag, 1922. 821 S.
- ¹⁰ Перевод был существенно переработан Э. Кэррик. Dostojewski, F. M. Rodion Raskolnikoff. Schuld und Sühne. Übertragen von E. K. Rahsin. Neu durchges. München: R. Piper & Co. Verlag, 1953. 762 S.
- ¹¹ Dostojewskij F. Verbrechen und Strafe. Deutsch von Alexander Eliasberg. Potsdam: Gustav Kiepenheuer Verlag, 1921. 708 S.
- ¹² Dostojewskij F. Verbrechen und Strafe. Roman in der Neuübersetzung von Swetlana Geier. Zürich: Ammann Verlag, 1994. 766 S.
- ¹³ Перевод Генкеля, выполненный в натуралистический период рецепции Достоевского в Германии, ориентирован на передачу «детективного» сюжета романа, особенностей социальной среды; интерпретации Кэррик, выпущенные в собраниях сочинений, отличавшихся тенденциозным политизированным подходом, нацелены на трансляцию культурных особенностей оригинала, русского духа романа; вариант Элиасберга учитывает особенности принимающей культуры и «шероховатый» стиль Достоевского; перевод Гайер характеризуется зрелым подходом, сочетающим достижения немецкой филологической школы и бережное отношение к идиостилу писателя. Подробнее об этом см.: Головачева Е. А. Указ. соч. С. 16–87.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Здесь и далее под сокращением КП понимается сюжетобразующее концептуальное поле «преступление / наказание».
- ¹⁶ Головачева Е. А. Указ. соч. С. 87–91, 165–240.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Подробнее об особенностях объективации данного признака в оригинальном тексте и его роли в формировании православного «кода» произведения см. [3: 238–244].
- ¹⁹ Здесь и далее оригинальный текст романа цитируется по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В круглых скобках римскими цифрами указывается номер тома, арабскими – номер страницы.
- ²⁰ Подробнее об этом см. [3: 239].
- ²¹ Подробнее об этом см. [3: 240].
- ²² Подробнее об этом см. [3: 241].
- ²³ Подробнее об этом см. [3: 242].
- ²⁴ Подробнее об особенностях объективации данного признака в оригинальном тексте см. [3: 244–246].
- ²⁵ Обилие риторических вопросов, многочисленные повторы, маркированные глаголы.
- ²⁶ Подробнее об этом см. [3: 245].
- ²⁷ Более подробно об этом см. [1].
- ²⁸ Подробный разбор см. [3: 246].
- ²⁹ См., например, об этом образе: Дурылин С. Н. Об одном символе у Достоевского // Достоевский: Сб. ст. М., 1928. С. 163–198.
- ³⁰ См. (XXI: 20, 35).
- ³¹ Подробнее об особенностях объективации признака «бегство» в оригинальном тексте см. [3: 247–250].

³² Там же.

³³ Подробнее об этом см. [3: 249–250].

³⁴ Там же.

³⁵ Связь данных понятий с религиозным контекстом, а также обусловленность внешними побудителями преступления (темная сила, бес и т. д.) (в русском языке); боязнь общественного осуждения, ответственность перед обществом (в немецком языке) см. Головачева Е. А. Указ. соч. С. 168.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветловская В. Е. «Хождение души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 16. С. 97–117.
2. Головачева Е. А. Особенности воспроизведения концепта «семья» в немецких переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Культура и текст. 2021. № 4 (47). С. 108–130. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-4-108-130
3. Головачева Е. А. Православные акценты сюжетобразующего концептуального поля романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне пространства и времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 232–259. DOI: 10.17223/19986645/90/11
4. Головачева Е. А., Седельникова О. В. История переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык: роль издательств и первых собраний сочинений. Статья 1 // Новый филологический вестник. 2022. № 2 (61). С. 120–146.
5. Головачева Е. А., Седельникова О. В. История переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык: роль издательств и первых собраний сочинений. Статья 2 // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 154–179.
6. Добровольский Д. О. Перевод художественной прозы и проблемы лексической сочетаемости («Идиот» Ф. М. Достоевского в немецких переводах) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 47–60.
7. Кудрявцева Т. В. Роман «Подросток» Ф. М. Достоевского в немецкоязычных странах // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 1 (13). С. 153–183. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-1-153-183
8. Хансен-Кокорус Р. Стратегии перевода романа Ф. М. Достоевского «Бесы» на немецкий язык (на примере переводов Е. К. Разин и С. Гайер) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013. № 1 (3). С. 18–29.
9. Vukopil S. Erlebte Rede und verwandte Verfahren zur Bewußtseinsdarstellung in deutschen Übersetzungen von Prestuplenie i nakazanie nach 1924 // Erlebte Rede und 298 impressionistischer Stil. Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen. Hrsg. v. Dorothea Kullmann. Göttingen: Wallstein Verlag. 1995. S. 179–222.

Поступила в редакцию 21.10.2024; принята к публикации 28.04.2025

Original article

Ekaterina A. Golovacheva, Cand. Sc. (Philology), Head of Online Education Development Department, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2744-8767; eagolovacheva@tpu.ru

THE CORE CONCEPTUAL FIELD TRANSFER IN THE GERMAN TRANSLATIONS OF FYODOR DOSTOEVSKY'S *CRIME AND PUNISHMENT* (the level of space and time)

Abstract. The article is aimed at examining the features of reproducing the core sense- and plot-forming conceptual field “crime/punishment” in the German translations of Fyodor Dostoevsky’s novel *Crime and Punishment* at the level of space and time. The research material consists of the most representative fragments of novel’s translations made by Wilhelm Henckel (1882), Michael Feofanoff (1908, 1922), Alexander Eliasberg (1921), Elizabeth Kaerrick (ps. E. K. Rhasin, 1953), and Svetlana Geier (1994). The article sequentially explores the nuances of the individual author’s features of the conceptual field (the scale of the crisis contagion, escape, and predetermination of the end) reproduced by each of the translators. The findings suggest that the reduction and losses of some concept features in early translations are due to the lack of the translators’ attention to the features of Dostoevsky’s style, which affects the degree of transmission of the axiological dominants of the novel and the images of a number of characters.

Key words: chronotope, Fyodor Dostoevsky, novel, *Crime and Punishment*, Germany, literary translation, artistic picture of the world, concept, German language

For citation: Golovacheva, E. A. The core conceptual field transfer in the German translations of Fyodor Dostoevsky’s *Crime and Punishment* (the level of space and time). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5): 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1200

REFERENCES

1. Vetlovskaya, V. E. "Ordeals of soul" in Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *Dostoevsky: Materials and research*. St. Petersburg, 2001. Vol. 16. P. 97–117. (In Russ.)
2. Golovacheva, E. A. The peculiarities of the "family" concept transfer in the German translations of the novel "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky. *Culture and Text*. 2021;4(47):108–130. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-4-108-130 (In Russ.)
3. Golovacheva, E. A. Orthodox features of the core conceptual field in Fyodor Dostoyevsky's *Crime and Punishment* at the level of space and time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2024;90:232–259. DOI: 10.17223/19986645/90/11 (In Russ.)
4. Golovacheva, E. A., Sedelnikova, O. V. "The Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky in Germany: history of translations, the role of publishing houses and first "Complete Works of Dostoevsky". Article one. *The New Philological Bulletin*. 2022;2(61):120–146. (In Russ.)
5. Golovacheva, E. A., Sedelnikova, O. V. "The Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky in Germany: history of translations, the role of publishing houses and first "Complete Works of Dostoevsky". Article two. *The New Philological Bulletin*. 2022;3(62):154–179. (In Russ.)
6. Dobrovolsky, D. O. Prose fiction translation and the problem of lexical compatibility (German translations of *The Idiot* by Fyodor Dostoyevsky). *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2002;2:47–60. (In Russ.)
7. Kudryavtseva, T. V. Fyodor Dostoevsky's *The Adolescent* in German-speaking countries. *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*. 2021;1(13):153–183. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-1-153-183 (In Russ.)
8. Hansen-Kokorus, R. Strategies for translation of *Demons* by Fyodor Dostoevsky into German (by example of translations by E. K. Rhasin and S. Geier). *Text. Book. Publishing*. 2013;1(3):18–29. (In Russ.)
9. Vykoupil, S. Erlebte Rede und verwandte Verfahren zur Bewußtseinsdarstellung in deutschen Übersetzungen von *Prestuplenie i nakazanie* nach 1924. *Erlebte Rede und impressionistischer Stil. Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen*. Göttingen, 1995. S. 179–222.

Received: 21 October 2024; accepted: 28 April 2025